

УДК 338.43.02

Научная статья

Открытый доступ

DOI: 10.32634/0869-8155-2025-391-02-168-176

С.В. Киселев

С.К. Сеитов ✉

В.А. Самсонов

И.В. Филимонов

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

✉ sanatren@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.09.2024

Одобрена после рецензирования: 24.01.2025

Принята к публикации: 27.01.2025

© Киселев С.В., Сеитов С.К., Самсонов В.А.,
Филимонов И.В.

Research article

Open access

DOI: 10.32634/0869-8155-2025-391-02-168-176

Sergey V. Kiselev

Sanat K. Seitov ✉

Valery A. Samsonov

Ilya V. Filimonov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

✉ sanatren@mail.ru

Received by the editorial office: 25.09.2024

Accepted in revised: 24.01.2025

Accepted for publication: 27.01.2025

© Kiselev S.V., Seitov S.K., Samsonov V.A.,
Filimonov I.V.

Ненаблюдаемая экономика в аграрном секторе России: пространственный аспект

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Задача объективной и точной оценки производства сельскохозяйственной продукции различными хозяйствующими субъектами расценивается как актуальная и важная для реализации различных общественных целей. Например, для мониторинга состояния развития отрасли, организации эффективной государственной политики. В связи с этим ученые стремятся разработать и предложить для использования наиболее точные методики учета объемов сельскохозяйственной продукции, производимой в России и ее регионах. Несмотря на то, что существование ненаблюдаемой экономики в аграрном секторе признается большинством экономистов, ученые не предложили пока адекватных подходов к определению ее масштабов.

Методы. В работе использовались статистический анализ, метод досчета, картографический метод, сравнительный анализ. Под уровнем ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве понимается доля теневых операций юридических лиц, продукции К(Ф)Х и ИП и хозяйств населения по отношению к объему продукции сельского хозяйства.

Результаты. Выявлено движение большинства российских регионов в сторону групп с более низкими уровнями ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве. На общенациональном уровне ее масштабы уменьшаются — с 46,5% в 2017 году до 40,8% в 2022-м. Эти тенденции обусловлены прежде всего сокращением доли хозяйств населения в структуре производителей продукции отрасли. Наибольший уровень ненаблюдаемой экономики преобладал в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, а также в отдельных регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, отличающихся высокой безработицей и низкой заработной платой — там личные подсобные хозяйства компенсируют нехватку средств для местных жителей, обеспечивая их продовольствием. По данным за 2022 год, доля продукции сельского хозяйства в рамках ненаблюдаемой экономики по отношению к общему объему продукции, превышающая 80%, отмечается в республиках Тыва, Дагестан, Калмыкия, Алтай, в Астраханской области, в Забайкальском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Значения в промежутке 60–80% характерны для республик Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Бурятия, Хакасия, Чечня, Камчатского края, Саратовской и Оренбургской областей. Наименьший уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве зафиксирован в основном в субъектах Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. Это Белгородская, Курская, Тульская, Тамбовская, Орловская, Рязанская, Липецкая, Псковская, Ленинградская, Пензенская, Кировская области, Республика Мордовия.

Ключевые слова: ненаблюдаемая экономика, теневые операции юридических лиц, сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, хозяйства населения, личные подсобные хозяйства, продукция сельского хозяйства

Для цитирования: Киселев С.В., Сеитов С.К., Самсонов В.А., Филимонов И.В. Ненаблюдаемая экономика в аграрном секторе России: пространственный аспект. *Аграрная наука*. 2025; 391(02): 168–176.

<https://doi.org/10.32634/0869-8155-2025-391-02-168-176>

Non-Observed Economy in Russian Agricultural Sector: Spatial Aspect

ABSTRACT

Relevance. The task of objective and accurate assessment of agricultural production by various economic entities is considered relevant and important for the implementation of various public goals, for example, for monitoring the development of the industry, organizing effective state policy. In this regard, scientists strive to develop and offer for use the most accurate methods for accounting for the volumes of agricultural products produced in Russia and its regions. Despite the fact that most economists recognize the existence of the non-observed economy in the agricultural sector, scientists have not yet proposed adequate approaches to determining its scale.

Methods. The work applies statistical analysis, method of recalculation, cartographic method, and comparative analysis. The study implies a level of the non-observed economy in agriculture as a share of shadow operations of legal entities, output of peasant (farmer) enterprises and individual entrepreneurs and household farms in relation to agricultural output.

Results. The paper reveals the drift of most Russian regions towards groups with lower levels of the non-observed economy in agriculture. At the national level, its scale is also decreasing — from 46.5% in 2017 to 40.8% in 2022. These trends are primarily due to a reduction in the share of household farms in the structure of producers.

The highest level of non-observed economy prevailed in the subjects of the North Caucasus Federal District, as well as in certain regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts, characterized by high unemployment and low wages. There, subsidiary household plots compensate for the lack of funds for local residents by providing them with food. In 2022, the share of the non-observed economy in relation to agricultural output exceeding 80% is noted in the republics of Tyva, Dagestan, Kalmykia, Altai, in Astrakhan Region, Trans-Baikal and Khabarovsk Territories, and Jewish Autonomous Region. Values in the range of 60–80% are typical for the republics of Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, North Ossetia — Alania, Buryatia, Khakassia, Chechnya, Kamchatka Krai, Saratov and Orenburg regions. The lowest level of non-observed economy in agriculture is mainly in the subjects of the Central, Northwestern, Volga Federal Districts. These are Belgorod, Kursk, Tula, Tambov, Oryol, Ryazan, Lipetsk, Pskov, Leningrad, Penza, Kirov regions, the Republic of Mordovia, etc.

Key words: non-observed economy, shadow operations of legal entities, agricultural organizations, peasant (farmer) enterprises and individual entrepreneurs, household farms, subsidiary household plots, agricultural products

For citation: Kiselev S.V., Seitov S.K., Samsonov V.A., Filimonov I.V. Non-Observed Economy in Russian Agricultural Sector: Spatial Aspect. *Agrarian science*. 2025; 391(02): 168–176 (in Russian). <https://doi.org/10.32634/0869-8155-2025-391-02-168-176>

Введение/Introduction

Тема ненаблюдаемой экономики в высокой степени проработана как учеными, так и статистиками. Она имеет длительную историю изучения, вобрав многообразие подходов к исследованию релевантных данной тематике вопросов. Советское государство, генерируя соответствующий научный интерес, обратило внимание на проблему ненаблюдаемой экономики во второй половине XX века, что было связано в большей мере с застойными процессами в советской экономике. В связи с этим в 1963 году был учрежден Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер по предупреждению преступности¹, специалисты которого занимались исследованием теневой экономики в отдельных отраслях промышленности.

Значимый вклад в изучение данной проблемы внесли Т.И. Корягина, С.Д. Головнин, А.Ю. Шевяков, В.А. Дадалко и др.² В СССР велись детальные таблицы наличия и использования ресурсов (в количественном и стоимостном выражении) по широкому спектру видов сельскохозяйственной продукции, причем деятельность подсобных хозяйств населения находилась на особом контроле [1].

В публикациях современных российских авторов проблемы ненаблюдаемой экономики подробно освещаются. К примеру, среди них можно выделить работу С.С. Быкова, А.П. Киреенко и Е.Н. Невзоровой [2], обобщившую понятийный аппарат ненаблюдаемой и теневой экономики. В работе Н.В. Мячина, Н.В. Шкварок [3] обращено внимание на структуру ненаблюдаемой экономики в разрезе системы национальных счетов. В.А. Самсонов, С.К. Сеитов [4] рассчитали региональные масштабы теневой экономики в России с 2010 по 2016 год.

Необходимо упомянуть работы зарубежных авторов, которые предприняли попытку оценки ненаблюдаемой экономики и (или) ее компонентов в различных странах.

А. Zolkover, D. Kovalenko [5] описали эволюцию теорий формирования теневой экономики, выявили ключевые факторы, влияющие на нее (централизация власти, экономическое развитие и качество институциональной среды). А. Stratan, T. Gutium [6] оценили влияние экономических факторов на масштабы теневой экономики в Молдове. Построенные модели показали, что на ненаблюдаемую экономику положительно влияют рост основных отраслей национальной экономики и рост уровня безработицы. При этом рост импорта оказывает негативное влияние.

Ph. Adair [7] рассмотрел различия между ненаблюдаемой экономикой (NOE) и теневой экономикой (SE) в Польше. Автором использованы различные прямые и косвенные методы измерения, включая налоговые проверки и анализ рынка, для выявления факторов, определяющих соотношение NOE — SE, таких как уклонение от уплаты налогов и неформальная занятость, а также определены различия в оценках, полученных на основе корректировок национальных счетов, по сравнению с подходами структурного моделирования.

M. Chen [8] оценил уровень ненаблюдаемой экономики по отношению к валовому региональному продукту (ВРП) в 31 провинции Китая с 1992 по 2013 год, используя данные о ночной освещенности. Полученные данные свидетельствуют о значительных региональных различиях в уровне ненаблюдаемой экономики (в Пекине он составляет 3,2%, а в Нинся-Хуэйском автономном районе — 69,7%) и указывают на отрицательную корреляцию между уровнем ненаблюдаемой экономики и ВРП, что позволяет предположить, что в более развитых регионах уровень ненаблюдаемой экономики ниже.

В работе израильских авторов [9] выявлена взаимосвязь неформальной самозанятости и ненаблюдаемой экономики.

Следует обратить особое внимание на попытки Организации Объединённых Наций (ООН) измерить масштабы ненаблюдаемых процессов в экономике, а именно на версию Системы национальных счетов 1993 года³. В соответствии с этим документом теневая экономика стала рассматриваться как составной элемент макроэкономических показателей. С 2008 года указанная разработка стала обязательной для использования⁴. Появилась возможность с ее помощью количественно оценить скрытую часть экономики.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)⁵ ввела в оборот более широкое понятие — ненаблюдаемая экономика, охватывающее все виды экономической деятельности, однако учет некоторых из них вызывает значительные затруднения для статистических органов. В итоге ненаблюдаемая экономика включает ряд важных компонентов (табл. 1).

Важно отметить, что субъекты теневого производства нарушают административные правила и процедуры, в то время как незаконное производство связано с нарушением уголовного законодательства (производство наркотиков, торговля фальсификатом, контрабанда).

¹ Университет прокуратуры Российской Федерации. Научно-исследовательский институт. История института. — URL: <https://agprf.org/institut/nauchno-issledovatelskiy-institut/istoriya-instituta314/> (дата обращения: 27.09.2024).

² Буров В.Ю. Теневая экономика и малое предпринимательство: теоретические и методологические основы исследования: монография. Чита: Забайкальский государственный университет. 2014; 13.

³ Система национальных счетов. 1993 / ООН. 1998.

⁴ Система национальных счетов 2008 года (СНС-2008) / ООН. 2012; 827. DOI: 10.18356/f4fcd220-ru

⁵ Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство: пер. с англ. / Организация экономического сотрудничества и развития. М.: Статистика России. ОИПД ГМЦ Госкомстата России. 2003; 42. — URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2007/04/noe/zip.30.r.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

Таблица 1. Компоненты ненаблюдаемой экономики (составлено авторами на основе материалов [10])⁶

Table 1. Components of non-observed economy (compiled by the authors based on materials from [10])

№	Составляющие ненаблюдаемой экономики	Пояснение	Примеры ненаблюдаемой экономики в сфере сельского хозяйства
1	Теневое производство	Представлено легальной деятельностью, результаты которой умышленно скрываются от статистического учета	Сельскохозяйственная организация не включает в отчетность часть выращенной продукции растениеводства, скрывая ее от государственных органов
2	Незаконное производство	Включает производство изначально запрещенных товаров и услуг, а также все виды разрешенной производственной деятельности, которые признаются незаконными при отсутствии соответствующих разрешительных документов и лицензии	Производство и распространение наркотиков
3	Производство неформального сектора	Производимые продукты и услуги относятся к законным и рыночным, но производство осуществляется незарегистрированным хозяйствующим субъектом (в отношении него не действуют отдельные нормативно-правовые акты и правила)	Осуществление предпринимательской деятельности К(Ф)Х без образования юридического лица или на индивидуальной основе без регистрации
4	Производство продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования	Производство продукции отдельными лицами или семьями не для извлечения прибыли, а для собственного потребления. Такая деятельность не противоречит отечественному и (или) международному законодательству	Выращивание членами ЛПХ в собственных огородах продукции растениеводства
5	Производство, неучтенное вследствие недостатков в ходе сбора данных	К причинам недоучета какой-либо производственной деятельности можно отнести неполный охват предприятий программой сбора данных, отсутствие финансовой отчетности от юридических лиц или ее занижение [10]	Сельскохозяйственное предприятие, которое еще не включено в формы Росстата

Согласно методологии ОЭСР⁷, домашние хозяйства фигурируют в рамках производства неформального сектора и производства продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования, различаясь в зависимости от цели своей деятельности. Некоторые домашние хозяйства ориентированы на продажу товаров и (или) услуг (всех или их части), а другие — на собственное конечное потребление (использование) продукции. Соответственно, первые учитываются в рамках производства неформального сектора, а вторые — в составе производства продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования.

Росстат определяет ненаблюдаемую экономическую деятельность как часть национальной экономики, включающую «виды экономической деятельности, которые не могут быть оценены на основании прямых методов государственного статистического наблюдения, и представляющую собой совокупность теневой (скрытой), неформальной и незаконной экономической деятельности»⁸. В отличие от методологии ОЭСР, Росстат отдельно не выделяет производство продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования, относя его к неформальной экономической деятельности.

М.Н. Муханова использует подход Росстата, указывая, что «в сельском хозяйстве неформальный сектор представлен самозанятыми селянами, у которых основное место работы — личное подсобное

хозяйство (ЛПХ) и крестьянско-фермерское хозяйство (КФХ)» [11]. Правомернее было бы отделять производство продукции домашними хозяйствами от неформальной экономической деятельности, поскольку они преследуют разные цели: в первом случае — собственное конечное использование, во втором — продажа на рынке.

Ученые [12, 13] обращают внимание на трудность определения неучтенных доходов, что заставляет исследователей использовать новые подходы к их анализу.

Если говорить о сельском хозяйстве, то традиционно среди всех отраслей оно находится в лидерах по уровню ненаблюдаемой экономики, что объясняется значительным объемом производства сельскохозяйственной продукции для собственных нужд в хозяйствах населения [14, 15]. Данные о ресурсах (доходах) и расходах хозяйств населения являются базой для всестороннего анализа ненаблюдаемой экономики в данной отрасли. Практика такова, что результаты выборочных обследований хозяйств населения распространяются на всю генеральную совокупность, благодаря чему учитывается проблема неотчитавшихся респондентов [15].

Как показывают отдельные исследования, региональные данные о доле хозяйств населения в продукции сельского хозяйства [16] во многом совпадают с картиной распространения ненаблюдаемой экономики в субъектах РФ. Так, Н.В. Черемисина, Г.Н. Дробышев [17] применяют схожий

⁶ Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство: пер. с англ. / Организация экономического сотрудничества и развития. М.: Статистика России. ОИПД ГМЦ Госкомстата России. 2003; 43–48. — URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2007/04/noe/zip.30.r.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

⁷ Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство: пер. с англ. / Организация экономического сотрудничества и развития. М.: Статистика России. ОИПД ГМЦ Госкомстата России. 2003; 46–47 — URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2007/04/noe/zip.30.r.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

⁸ Приказ Росстата от 21.12.2023 № 676 «Об утверждении Официальной методологии расчета объемов ненаблюдаемой экономической деятельности при формировании валового внутреннего продукта Российской Федерации».

подход при оценке уровня ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве Тамбовской области, причем принимая во внимание продукцию не только хозяйств населения, но и К(Ф)Х. В то же время в работе не совсем точно отражено понятие ненаблюдаемой экономики, в частности не охвачен объем теневых операций юридических лиц в сельском хозяйстве.

15-я Международная конференция статистиков труда рекомендует отделять сельскохозяйственную и связанную с ней деятельность от неформального сектора. Для России особенно характерен тот факт, что в аграрном секторе среди категорий хозяйств по численности преобладают хозяйства населения, производящие продукцию только для собственных нужд [16]. Заметим, так как неформальный сектор входит в состав ненаблюдаемой экономики, указанный нюанс не влияет на точность ее учета в рамках данной статьи.

К неформальному сектору ОЭСР относит крестьянские (фермерские) хозяйства, зарегистрированные в качестве физических лиц, и индивидуальных предпринимателей. В России, по данным Сельскохозяйственной микропереписи 2021 года⁹, доля крестьянских (фермерских) хозяйств, зарегистрированных в качестве юридических лиц, составляет лишь 5,0% от общего количества крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей (К(Ф)Х и ИП). Учитывая эту небольшую величину, целесообразно пренебречь ею и учитывать отмеченные хозяйства в числе субъектов неформального сектора.

Для обоснования правомерности подобного допущения отметим, что в России на К(Ф)Х и ИП в форме юридических лиц приходится всего лишь 7,9% площади сельскохозяйственных угодий, 9,8% посевной площади сельскохозяйственных культур, 3,7% поголовья крупного рогатого скота, 6,0% свиней и 5,0% птицы всех видов, принадлежащих К(Ф)Х и ИП¹⁰. Остальная (преобладающая) часть отмеченных сельскохозяйственных угодий, посевов и поголовья животных принадлежит субъектам неформального сектора.

В России не ведется учет данных об объемах незаконного производства, а также производства, неучтенного вследствие недостатков в программе сбора данных. Опираясь на морально-этические основания, в данной работе незаконное производство не включено в оценку масштабов ненаблюдаемой экономики. Учет незаконного производства приравнивал бы его к легальным видам деятельности, ставил бы его на один уровень

с ними. Исходя из его пагубных последствий для нравственности, ценностей в обществе, здоровья, незаконное производство необходимо рассматривать отдельно, что согласуется с подходом Росстата¹¹, который не учитывает незаконное производство в составе ВВП. В то же время СНС-93 рекомендует включать незаконные виды деятельности в Систему национальных счетов.

Цель работы — на основе авторской методики выявить масштабы ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве в регионах Российской Федерации.

Вклад исследования состоит в разработке и апробации методики оценки ненаблюдаемой экономики в аграрном секторе России, учитывающей, помимо прочего, ограниченность региональных статистических данных.

Материалы и методы исследования / Materials and methods

Частично опираясь на методологию Росстата, в исследовании, проведенном на основе российских данных в июле — сентябре 2024 года, под «ненаблюдаемой экономикой в сельском хозяйстве» подразумевается объем теневых операций юридических лиц, а также объем сельскохозяйственной продукции, производимой крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (К(Ф)Х), индивидуальными предпринимателями (ИП) и хозяйствами населения (ХН).

Уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве по регионам Российской Федерации определяется в процентах по отношению к продукции сельского хозяйства:

$$УрННЭ_{\text{сх}} = \frac{ЮЛ_{\text{сх}} + КФХ_{\text{сх}} + ХН_{\text{сх}}}{Прод_{\text{сх}}} \times 100\%, \quad (1)$$

$$УрННЭ_{\text{сх}} = \frac{ННЭ_{\text{сх}}}{Прод_{\text{сх}}} \times 100\%, \quad (2)$$

где: $УрННЭ_{\text{сх}}$ — уровень ненаблюдаемой экономики сельского хозяйства, %; $ЮЛ_{\text{сх}}$ — объем теневых операций юридических лиц в сельском хозяйстве, тыс. руб.¹²; $КФХ_{\text{сх}}$ — объем продукции сельского хозяйства, произведенной крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и индивидуальными предпринимателями, тыс. руб.; $ХН_{\text{сх}}$ — объем продукции сельского хозяйства, произведенной хозяйствами населения, тыс. руб.; $Прод_{\text{сх}}$ — объем продукции сельского хозяйства, произведенной во всех категориях хозяйств, тыс. руб.¹³; $ННЭ_{\text{сх}}$ — объем ненаблюдаемой экономики сельского хозяйства, тыс. руб.

⁹ Сельскохозяйственная микроперепись 2021 года. Предварительные итоги по крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям / Федеральная служба государственной статистики. Москва. 2022; 10. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SXMP_2021_predv_KFH_IP.pdf (дата обращения: 14.09.2024).

¹⁰ Сельскохозяйственная микроперепись 2021 года. Предварительные итоги по крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям / Федеральная служба государственной статистики. Москва. 2022; 10–11. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SXMP_2021_predv_KFH_IP.pdf (дата обращения: 14.09.2024).

¹¹ Приказ Росстата от 21.12.2023 № 676 «Об утверждении Официальной статистической методологии расчета объемов ненаблюдаемой экономической деятельности при формировании валового внутреннего продукта Российской Федерации».

¹² Расчеты авторов на основе авторской методики, опубликованной в работе [18, с. 251–252].

¹³ Расчеты авторов на основе данных ЕМИСС. Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (окончательные данные). — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43337> (дата обращения: 05.09.2024).

Методика расчета объема теневых операций юридических лиц изложена ранее в работе С.В. Киселева, И.В. Филимонова, В.А. Самсонова, С.К. Сеитова «Влияние цифровизации на теневую экономику сельского хозяйства в Российской Федерации» [18]. Этот показатель охватывает в первую очередь сельскохозяйственные организации и исходит из учета стремления юридических лиц к намеренному искажению своей отчетности с целью сокращения налогооблагаемой базы, что происходит, с одной стороны, через сокрытие и занижение объемов производства и доходов, с другой — через завышение затрат¹⁴.

На основе полученных результатов сформированы рейтинги субъектов РФ с самыми высокими и низкими долями ненаблюдаемой деятельности в валовой добавленной стоимости (ВДС) по разделам Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД 2). Анализ проведен по 78 субъектам РФ за 2017 г. и 2022 г. путем сравнения соответствующих данных. Из выборки регионов исключены города федерального значения (в силу нерелевантности с точки зрения отрасли), новые территории РФ после референдума 2022 года (в связи с отсутствием необходимой информации).

Данные для формирования всех показателей, входящих в формулу (2), получены с сайтов Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и Федеральной службы государственной статистики.

Результаты и обсуждение / Results and discussion

В России уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве (по ее доли в объеме продукции сельского хозяйства) в 2017 году составил 46,5%. В ее структуре на теневые операции юридических лиц (сельскохозяйственных организаций) приходилось 3,6%, на К(Ф)Х и ИП — 26,7%, на хозяйства населения — 69,7%.

Согласно результатам расчетов, самый высокий показатель в 2017 году наблюдался в таких субъектах Российской Федерации, как Магаданская область (94,9%), Республика Ингушетия (94,3%), Дагестан (90,6%), Забайкальский край (90,1%), Калмыкия (88,6%), Тыва (87,0%), Хабаровский край (86,5%), Астраханская область (85,7%), Республика Хакасия (85,3%), Алтай (84,4%), Чечня (80,9%), Мурманская область (80,7%).

В Еврейской автономной области, республиках Северная Осетия — Алания, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Якутия, Бурятия, Адыгея доля ненаблюдаемой экономики в продукции сельского хозяйства находилась в диапазоне 60–80% (рис. 1). В этих регионах значительный уровень ненаблюдаемой экономики определяется высоким удельным весом хозяйств населения

в производстве продукции сельского хозяйства. В условиях высокой безработицы и низкой заработной платы личные подсобные хозяйства служат источником продовольствия, компенсируя домашним трудом скудность семейного бюджета [19, 20]. В частности, в перечисленных субъектах Северо-Кавказского федерального округа уровень безработицы примерно в 3 раза превышал среднероссийскую величину, в республиках Алтай, Тыва, Калмыкия, Забайкальском крае — в 2 раза.

В рассмотренных субъектах Северо-Кавказского федерального округа, а также в Республике Калмыкия среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций приблизительно в 2 раза уступала ее среднероссийскому размеру. Заметим, что личные подсобные хозяйства служат жителям в первую очередь для удовлетворения собственных нужд, нежели для продажи или обмена продукции. Статистика такова, что в Российской Федерации от 86 до 88% сельских домохозяйств, вовлеченных в производство сельскохозяйственной продукции, имеют потребительскую направленность [8]. Помимо названных регионов, в Башкортостане, Камчатском крае, Оренбургской и Саратовской областях уровень ненаблюдаемой экономики в 2017 году превосходил 60% (рис. 1).

По итогам 2022 года в структуре ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве России произошли заметные изменения: теневые операции юридических лиц (сельскохозяйственных организаций) стали занимать меньшую долю и составили лишь 2,2%, доля хозяйств населения сократилась до 59,0%, в то время как доля К(Ф)Х и ИП возросла до 38,8%. Хотя в абсолютном выражении в текущих ценах объем ненаблюдаемой экономики растет, в относительном выражении (при сопоставлении с общим объемом производства продукции сельского хозяйства) он сокращается.

По регионам происходят аналогичные изменения. Так, количество регионов, где уровень ненаблюдаемой экономики превышает 80%, за 2017–2022 годы уменьшилось с 12 до 8. Данный показатель значительно всего уменьшился в Магаданской (75,0%) и Мурманской (66,3%) областях, республиках Ингушетия (76,1%), Хакасия (77,4%) и Чечня (68,6%), что позволило перейти им в группу субъектов РФ с диапазоном значений 60–80% (рис. 2). В указанной группе количество регионов увеличилось на 2 субъекта. С 2017 по 2022 год в Республике Башкортостан уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве претерпел существенное сокращение — с 62,9 до 53,9%, а в Калмыкии оно было меньшим — с 88,6 до 83,9%. Это обусловлено преимущественно снижением удельного веса хозяйств населения в производстве продукции сельского хозяйства

¹⁴ Рекомендации по совершенствованию оценок ненаблюдаемой экономики // Статистический бюллетень № 1. М.: Статкомитет СНГ. 2000; 7.

Рис. 1. Уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве по регионам России в 2017 году, % в общем объеме производства продукции сельского хозяйства

Fig. 2. Level of non-observed economy in agriculture of the Russian regions in 2017, % of agricultural output

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе данных¹⁵

Цвет Colour (уровень ненаблюдаемой экономики в 2017 году) (level of non-observed economy in 2017)

	80,0–100,0 (очень высокий уровень / very high level)
	60,0–80,0 (высокий уровень / high level)
	40,0–60,0 (умеренный уровень / moderate level)
	20,0–40,0 (низкий уровень / low level)
	0,0–20,0 (очень низкий уровень / very low level)

Примечание: 1. Города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) выделены красным цветом. 2. Новые территории РФ после референдума 2022 года обозначены штриховкой.

Note: 1. The cities of federal subject significance (Moscow and St. Petersburg) are highlighted in red. 2. The new regions of the Russian Federation after the 2022 referendum are indicated by shading.

в Башкортостане (с 49,9% в 2017 г. до 37,2% в 2022-м) и Калмыкии (с 53,8% в 2017 г. до 38,7% в 2022-м). В среднем по России показатель в 2022 году снизился до 40,8%.

Указанные тенденции в России вызваны в первую очередь снижением удельного веса хозяйств населения в производстве продукции сельского хозяйства (с 32,4% в 2017 г. до 23,4% в 2022-м). Причем формирующийся тренд воспринимается многими учеными положительно, поскольку обычно хозяйства населения используют устаревшие технологии производства и функционируют с высокими трудозатратами [21]. Как результат, в данной категории хозяйств происходит снижение индексов производства по отношению к предыдущему году. Так, в 2019–2022 годах он находился в диапазоне 94–99%, демонстрируя отрицательную динамику производства. Хотя масштабы теневых операций юридических лиц тоже сокращаются, их влияние на объемы ненаблюдаемой экономики выражено намного слабее. Небольшой рост доли К(Ф)Х и ИП в структуре производства сельхозпродукции (с 12,4% в 2017 г. до 15,8% в 2022-м) не компенсирует сокращение уровня ненаблюдаемой экономики.

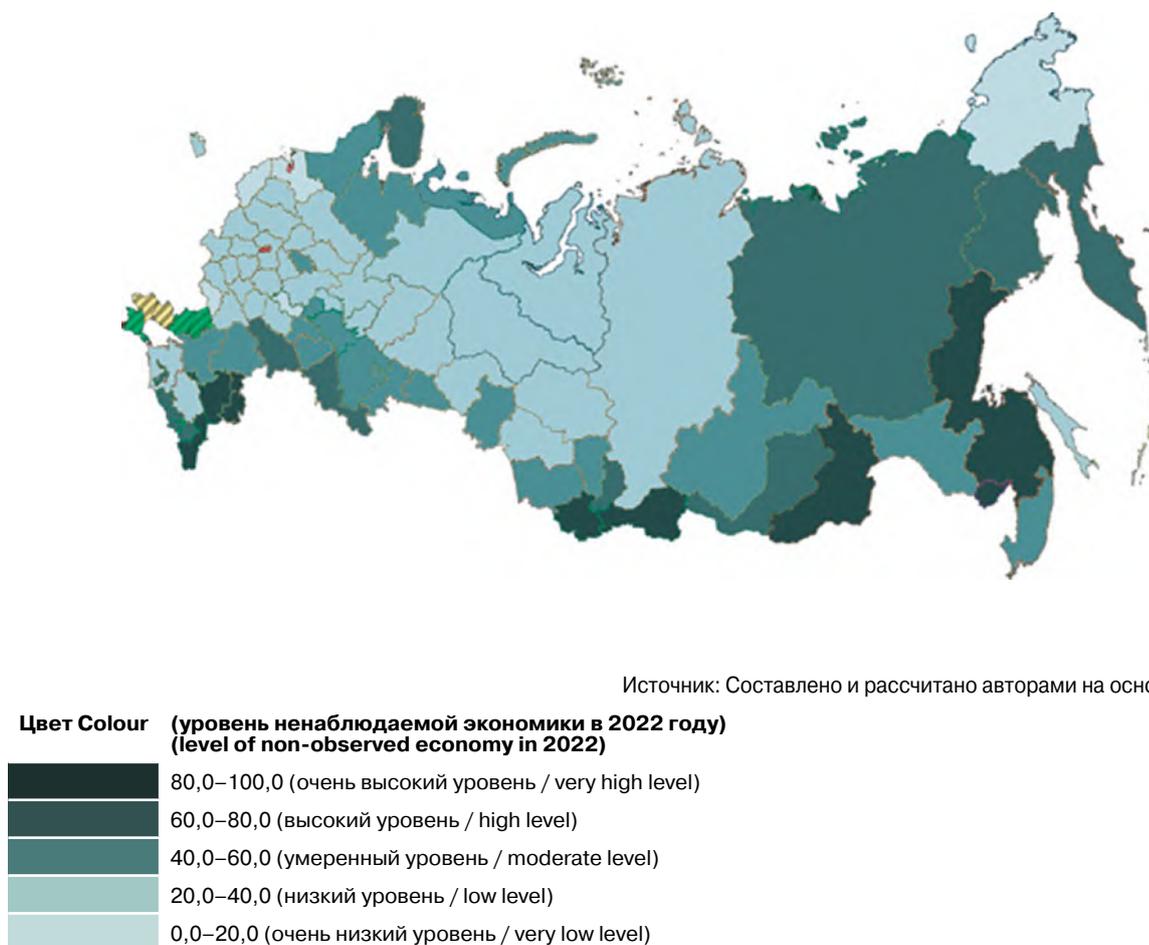
По итогам 2022 года значения, близкие к среднероссийским, продемонстрированы в Центральном федеральном округе (в Ивановской (42,5%) и Костромской (37,5%) областях), Северо-Западном федеральном округе (в Новгородской области (38,9%), Сибирском федеральном округе (в Кемеровской области (44,2%), Алтайском (41,4%) и Красноярском (38,1%) краях), Приволжском федеральном округе (в Ульяновской (44,2%) и Нижегородской (36,4%) областях, Татарстане (44,2%), Дальневосточном федеральном округе (в Сахалинской (39,4%) и Амурской (43,5%) областях). Данная группа представлена самым широким спектром субъектов РФ из разных федеральных округов.

Наименьший уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве отмечается в регионах Центрального федерального округа (в Белгородской (15,2%), Курской (21,0%), Рязанской (22,2%), Липецкой (23,9%), Орловской (24,5%), Ярославской (25,1%), Тамбовской (25,4%), Калужской (26,0%) и Тульской (27,9%) областях), Северо-Западного федерального округа (в Псковской (15,7%), Ленинградской (17,1%) и Вологодской (21,5%) областях), Приволжского федерального

¹⁵ Данные ЕМИСС, Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 2. Уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве по регионам России в 2022 году, % в общем объеме производства продукции сельского хозяйства

Fig. 2. Level of non-observed economy in agriculture of the Russian regions in 2022, % of agricultural output

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе данных¹⁵

Примечание: 1. Города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) выделены красным цветом. 2. Новые территории РФ после референдума 2022 года обозначены штриховкой.

Note: 1. The cities of federal subject significance (Moscow and St. Petersburg) are highlighted in red. 2. The new regions of the Russian Federation after the 2022 referendum are indicated by shading.

округа (в Республике Мордовия (17,4%), в Кировской (23,1%) и Пензенской (26,6%) областях). В сельском хозяйстве перечисленных регионов доминируют сельскохозяйственные организации, на фоне которых роль хозяйств населения в структуре производства сельхозпродукции выглядит менее значительной.

Примененный в работе подход не лишен методических ограничений. В частности, можно считать спорным, во-первых, невключение в формулу расчета уровня ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве (формула 1) объема незаконного производства товаров и услуг в сельском хозяйстве, во-вторых, присутствие в ней объема неформального производства среди К(Ф)Х и ИП, зарегистрированных как юридическое лицо. В случае если отмеченные (спорные) моменты будут учтены в расчетах, полученные оценки будут отличаться от представленных в статье. Однако отсутствие необходимых данных не позволяет точнее определить масштабы ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве регионов России.

Выводы/Conclusions

По мере уменьшения доли хозяйств населения в структуре производства сельскохозяйственной продукции и сокращения масштабов теневых операций юридических лиц происходит снижение уровня ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве Российской Федерации. Так, в 2017 году он (по доле в объеме продукции сельского хозяйства) достигал 46,5%, а в 2022-м уменьшился до 40,8%. Теневые операции юридических лиц, согласно данным за 2022 год, занимают меньшее место в структуре ненаблюдаемой экономики с долей 2,2%, тогда как на К(Ф)Х и ИП и на хозяйства населения приходится 38,8% и 59,0% соответственно. В отличие от теневых операций юридических лиц, масштабы ненаблюдаемой экономики сильно дифференцированы по регионам России.

Самый высокий уровень ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве в 2022 году зафиксирован в субъектах Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. Высокий уровень безработицы и низкие заработные платы

усиливают значимость для сельских жителей своих личных подсобных хозяйств.

Низкими значениями отличаются регионы Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. Это объясняется преобладанием крупного производства и высокой долей сельскохозяйственных организаций в продукции.

Примененная в работе методика не решает все проблемы учета ненаблюдаемой экономики в сельском хозяйстве регионов России. Однако предложенная методика с учетом отсутствия более точных данных по субъектам неформального сектора представляется более пригодной для описания и оценки, чем альтернативные.

Все авторы несут ответственность за работу и представленные данные.

Все авторы внесли равный вклад в работу.

Авторы в равной степени принимали участие в написании рукописи и несут равную ответственность за плагиат.

Авторы объявили об отсутствии конфликта интересов.

All authors bear responsibility for the work and presented data.

All authors made an equal contribution to the work.

The authors were equally involved in writing the manuscript and bear the equal responsibility for plagiarism.

The authors declare no conflict of interest.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов Ю. Ненаблюдаемая экономика в странах СНГ. *Вопросы экономики*. 2009; (8): 86–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-8-86-95>
2. Быков С.С., Киреенко А.П., Невзорова Е.Н. Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015; 9(3): 591–607. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).591-607](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).591-607)
3. Мячин Н.В., Шкварок В.М. Ненаблюдаемая экономика как барьер социально-экономического развития региона. *На страже экономики*. 2022; (3): 64–72. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-3-64-72>
4. Самсонов В.А., Сеитов С.К. Оценка вклада теневой экономики в макроэкономические показатели регионов Российской Федерации. *Научные исследования экономического факультета*. 2022; 14(1): 68–85. <https://www.elibrary.ru/vmorud>
5. Zolkover A., Kovalenko D. Evolution of theories of shadow economy formation. *Technology Audit and Production Reserves*. 2020; 6(4): 6–10. <https://doi.org/10.15587/2706-5448.2020.218711>
6. Stratan A., Gutium T. Econometric Assessment of the Impact of Economic Indicators on the Non-Observed Economy of Moldova. *Economy and sociology*. 2022; (1): 5–17. <https://doi.org/10.36004/nier.es.2022.1-01>
7. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. Andreff W. (ed.). *Comparative Economic Studies in Europe*. A Thirty Year Review. Cham: *Palgrave Macmillan*. 2021; 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
8. Chen M., Zhang S. Measuring the regional non-observed economy in China with nighttime lights. *International Journal of Emerging Markets*. 2020; 16(4): 837–864. <https://doi.org/10.1108/ijeoem-12-2019-1048>
9. Shami L., Cohen G., Akirav O., Herscovici A., Yehuda L., Barel-Shaked S. Informal self-employment within the non-observed economy of Israel. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2024; 52(2): 159–180. <https://doi.org/10.1504/ijesb.2024.10063434>
10. Ширяева Я.Д. Ненаблюдаемая экономика и ее оценка. *Terra Economicus*. 2009; 7(2): 82–96. <https://www.elibrary.ru/ktzcsz>
11. Муханова М.Н. Неформальный сектор в социально-структурных процессах российского села. *Общественные науки и современность*. 2019; (2): 66–78. <https://doi.org/10.31857/S086904990004397-8>
12. Sarpe A. Tax Evasion and Unaccounted Incomes: A Theoretical Approach. Chakraborty P., Shanmugam K.R. (eds.). *Fiscal Policy and Public Financial Management*. *Oxford University Press*. 2024; 157–182. <https://doi.org/10.1093/9780198930464.003.0010>
13. Kushwaha A. Black Money and Tax Amnesty: The Effectiveness of Tax Amnesty Schemes in Handling the Menace of Unaccounted Income in India. *International Journal of Advanced Research*. 2020; 8(7): 1052–1057. <https://doi.org/10.21474/IJAR01/11367>
14. Левит С.П. Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования ее оценок. *Вопросы статистики*. 2014; (6): 20–23. <https://www.elibrary.ru/sgwrcj>

REFERENCES

1. Ivanov Yu. Non-observed Economy in the CIS Countries. *Voprosy Ekonomiki*. 2009; (8): 86–95 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-8-86-95>
2. Bykov S.S., Kireenko A.P., Nevzorova E.N. Criminal law's reaction to shadow economy: borders, character and areas for improvement. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2015; 9(3): 591–607 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).591-607](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).591-607)
3. Myachin N.V., Shkvarok V.M. Unobserved economy as a barrier to socio-economic development of the region. *The Economy under Guard*. 2022; (3): 64–72 (in Russian). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-3-64-72>
4. Samsonov V.A., Seitov S.K. Assessment of the contribution of the shadow economy to the macroeconomic indicators of the regions of the Russian Federation. *Scientific Research of Faculty of Economics*. 2022; 14(1): 68–85 (in Russian). <https://www.elibrary.ru/vmorud>
5. Zolkover A., Kovalenko D. Evolution of theories of shadow economy formation. *Technology Audit and Production Reserves*. 2020; 6(4): 6–10. <https://doi.org/10.15587/2706-5448.2020.218711>
6. Stratan A., Gutium T. Econometric Assessment of the Impact of Economic Indicators on the Non-Observed Economy of Moldova. *Economy and sociology*. 2022; (1): 5–17. <https://doi.org/10.36004/nier.es.2022.1-01>
7. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. Andreff W. (ed.). *Comparative Economic Studies in Europe*. A Thirty Year Review. Cham: *Palgrave Macmillan*. 2021; 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
8. Chen M., Zhang S. Measuring the regional non-observed economy in China with nighttime lights. *International Journal of Emerging Markets*. 2020; 16(4): 837–864. <https://doi.org/10.1108/ijeoem-12-2019-1048>
9. Shami L., Cohen G., Akirav O., Herscovici A., Yehuda L., Barel-Shaked S. Informal self-employment within the non-observed economy of Israel. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2024; 52(2): 159–180. <https://doi.org/10.1504/ijesb.2024.10063434>
10. Shiryayeva Ya.D. Unobservable economy and its estimation. *Terra Economicus*. 2009; 7(2): 82–96 (in Russian). <https://www.elibrary.ru/ktzcsz>
11. Mukhanova M.N. Informal sector in the socio-structural processes of the Russian village. *Social Sciences and Contemporary World*. 2019; (2): 66–78 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990004397-8>
12. Sarpe A. Tax Evasion and Unaccounted Incomes: A Theoretical Approach. Chakraborty P., Shanmugam K.R. (eds.). *Fiscal Policy and Public Financial Management*. *Oxford University Press*. 2024; 157–182. <https://doi.org/10.1093/9780198930464.003.0010>
13. Kushwaha A. Black Money and Tax Amnesty: The Effectiveness of Tax Amnesty Schemes in Handling the Menace of Unaccounted Income in India. *International Journal of Advanced Research*. 2020; 8(7): 1052–1057. <https://doi.org/10.21474/IJAR01/11367>
14. Levit S.R. Non-observed economy: practice, issues and improvement directions for its measurement. *Voprosy statistiki*. 2014; (6): 20–23 (in Russian). <https://www.elibrary.ru/sgwrcj>

15. Лайкам К.Э., Петриков А.В. (ред.). Структурные изменения в сельском хозяйстве России по материалам всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова. 2020; 310. ISBN 978-5-6045406-4-0 <https://www.elibrary.ru/szkkzn>

16. Петриков А.В. Государственное регулирование личных подсобных хозяйств как наиболее массовой организационно-правовой формы в сельской локальной экономике. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2023; (10): 12–18. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2023-0-10-12-18>

17. Черемисина Н.В., Дробышев Г.Н. Личное подсобное сельское хозяйство населения как часть ненаблюдаемой экономики региона. *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2005; 11(3): 789–795. <https://www.elibrary.ru/kajdrp>

18. Киселев С.В., Филимонов И.В., Самсонов В.А., Сеитов С.К. Влияние цифровизации на теневую экономику сельского хозяйства в Российской Федерации. *Ars administrandi (Искусство управления)*. 2024; 16(2): 240–260. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260>

19. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Троцук И.В., Шишкина Е.А., Потапова А.А. Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. М.: Дело. 2022; 156. ISBN 978-5-85006-414-3

20. Расков Н.В. Ненаблюдаемая экономика как потенциальный ресурс развития рыночного хозяйства. *Проблемы современной экономики*. 2009; (2): 99–104. <https://www.elibrary.ru/mvttzn>

21. Дорохов А.С., Мосяков М.А., Сазонов Н.В. Разработка автоматизированной линии послеуборочной обработки картофеля для хозяйств населения. *Агроинженерия*. 2020; (2): 16–22. <https://doi.org/10.26897/2687-1149-2020-2-16-22>

ОБ АВТОРАХ

Сергей Викторович Киселев

доктор экономических наук, профессор
servikis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9519-1505>

Санат Каиргалиевич Сеитов

доктор философии, кандидат экономических наук,
инженер 2 категории
sanatren@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6505-1712>

Валерий Альбертович Самсонов

инженер 2-й категории
v.a.samsonov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7078-9420>

Илья Валерьевич Филимонов

доктор философии, кандидат экономических наук, ассистент
filimonov.i.v@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1684-5142>

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 46, 3-й новый учебный корпус, Москва, 119991, Россия

15. Laikam K.E., Petrikov A.V. (eds.). Structural changes in Russian agriculture based on the materials of the All-Russian agricultural censuses of 2006 and 2016. Moscow: Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics. 2020. 310 (in Russian). ISBN 978-5-6045406-4-0 <https://www.elibrary.ru/szkkzn>

16. Petrikov A.V. State regulation of personal subsidiary farms as the most widespread organizational and legal form in the rural local economy. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2023; (10): 12–18 (in Russian). <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2023-0-10-12-18>

17. Cheremisina N.V., Drobyshev G.N. People's Subsidiary Small-Holdings as Part of Unobserved Economy of the Region. *Transactions of the Tambov State Technical University*. 2005; 11(3): 789–795 (in Russian). <https://www.elibrary.ru/kajdrp>

18. Kiselev S.V., Filimonov I.V., Samsonov V.A., Seitov S.K. Digitalization impact on shadow economy of agriculture in the Russian Federation. *Ars administrandi*. 2024; 16(2): 240–260 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260>

19. Shagayda N.I., Uzun V.Ya., Trotsuk I.V., Shishkina E.A., Potapova A.A. The state of food security in Russia in the context of the pandemic. Moscow: Delo. 2022; 156 (in Russian). ISBN 978-5-85006-414-3

20. Raskov N.V. Non-observable economy as a potential resource for development of market economy. *Problems of modern economics*. 2009; (2): 99–104 (in Russian). <https://www.elibrary.ru/mvttzn>

21. Dorokhov A.S., Mosyakov M.A., Sazonov N.V. Designing an automated line for post-harvest potato processing to be used in private farm smallholdings. *Agricultural Engineering (Moscow)*. 2020; (2): 16–22 (in Russian). <https://doi.org/10.26897/2687-1149-2020-2-16-22>

ABOUT THE AUTHORS

Sergey Victorovich Kiselev

Doctor of Economic Sciences, Professor
servikis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9519-1505>

Sanat Kairgalievich Seitov

Doctor of Philosophy (Ph.D) in Economic Sciences,
2nd Category
sanatren@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6505-1712>

Valery Albertovich Samsonov

2nd Category Engineer
v.a.samsonov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7078-9420>

Ilya Valerievich Filimonov

Doctor of Philosophy (Ph.D) in Economic Sciences, Assistant
filimonov.i.v@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1684-5142>

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, building 46, 3rd New Academic Building, Moscow,
119991, Russia